

ЦЕНА
СПРАВЕДЛИВОСТИ

VOYD VOYD

Цена справедливости

<https://litres.ru/73884779>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Злыми не рождаются. Злыми становятся».

Владу было восемь, когда астероид обрёл Землю на гибель. Десять лет ожидания превратили людей в зверей. Богачи убивали ради места на корабле. Простые люди штурмовали ворота аэропортов. Семья Влада — врачи — получила приглашение на борт. Это было спасение. И начало конца.

На корабле Влад учится выживать. Бокс, власть, жестокие приказы. Друг Миша, который теряет всех. Дочь богача Даша, которая рискует всем ради любви. И цена, которую придётся заплатить.

«Гонясь за справедливостью, самое главное — не потерять человечность». — VOYD

«Цена справедливости» — мрачная антиутопия о том, как желание добра превращается в зло, а любовь становится орудием уничтожения.

VOYD

Цена справедливости

Пролог. Память

После 2040 года мир кардинально изменился.

Всё началось с того, что учёные со всего света сделали страшное открытие: примерно через десять лет нашей планеты не станет. На Землю должен был упасть астероид — огромный, невидимый раньше, — и от неё осталась бы лишь память. Если, конечно, память вообще способна что-то помнить без живых людей.

Когда объявили новость, мне было всего восемь лет. Я видел тот самый ужас в глазах родителей — и мне становилось не по себе. Я видел, как миллионы людей увольнялись с работы и начинали жить по-настоящему: быть собой, исполнять свои мечты, а не мечты «дяди», на которого они горбались годами.

Но, к сожалению, такими были лишь единицы.

Кто-то начал грабить, крушить, убивать. Планета погрузилась в хаос задолго до того, как всему живому пришёл на-

стоящий конец. А кто-то — очень одинокий — заканчивал жизнь самоубийством. Зачем жить, если тебя всё равно не станет?

Я тогда ещё думал: почему бы всем не объединиться? Почему не насладиться последними годами на Земле вместе?

Но потом государства начали строить космические корабли — и мир сошёл с ума окончательно. Все понимали: на борт попадут лишь единицы. Именно тогда я осознал всю суть человеческой жестокости.

Миллиардеры, которые раньше клялись, что помогут чем смогут, и занимались благотворительностью перед камерами, теперь бросали своих больных родственников, воровали их деньги и даже убивали — лишь бы место на корабле досталось им по наследству.

Слава богу, нашу семью это обошло. Мою маму звали Анна — добрая, тихая, она всегда больше времени проводила с сестрой, читала ей книжки и учила её быть человеком. А отца — Валерий. Мудрый, начитанный, главный врач. Он чаще возился с нами с братом: учил думать, спорить, не бояться задавать вопросы. Отец и мать были очень хорошими врачами — и нас тоже пригласили на борт. На кораблях требовались ключевые специалисты, чтобы восстановить и продол-

жить человеческий род, поэтому для «слуг» установили возрастное ограничение — только до сорока пяти лет. А вот для богатых такого ограничения не существовало. И тогда я осознал кое-что важное, то, что раньше лишь чувствовал кожей: в мире, где правят деньги, равенства нет и быть не может.

Мир разделился на три части:

— элита — те, кто беспрепятственно попал на корабль;

— слуги — те, кто оказался на борту лишь для того, чтобы обслуживать людей, готовых перегрызть друг другу глотки ради выживания;

— обычный народ — те, кто объявил войну своим же начальникам.

Народ, который десятилетиями молчал и работал на чужие мечты, только оказавшись перед лицом смерти, заговорил. И заговорил с обидой: «Почему это не мы на их месте?»

Я отчётливо помню тот апрельский день 2048 года. Отец вернулся домой с лёгкой улыбкой — впервые за три года — и молча показал маме какой-то листок. У мамы потекли слёзы, но это были уже не просто слёзы печали. Это были слёзы счастья. Она подошла к отцу, крепко его обняла, а потом подхватила меня, брата и сестру и тихо сказала: «Соберите всё самое нужное. Завтра в четыре утра мы выезжаем» — на

точку сборов таких же везунчиков, как мы.

Мои родители продолжали работать до самого конца — не ради себя, а потому что считали: важны не только их жизни, но и жизни других людей, независимо от цвета кожи или веры. И, возможно, именно то, что они оставались врачами и были настоящими профессионалами, в итоге и спасло нас.

Мама учила меня, что все люди равны. Что цвет кожи, кошелёк или фамилия не делают тебя лучше другого. А жизнь учила другому. И это было больше любого астероида.

Я смотрел на отца, на маму, на Ваню с Катей и думал: почему наша семья — в числе счастливых? Только потому, что родители оказались нужными людьми? А если бы они были не врачами, а, скажем, учителями? Или фермерами? Их бы оставили умирать? Где в этом логика, где справедливость?

Глава 1. Дорога

Я в последний раз оглянулся на дом, сел в машину. Ехать нужно было до местного аэропорта — он находился в двадцати километрах. Мы проезжали мимо палаток с озверевшими людьми, мимо пожаров, а вдали виднелись недостроенные корпуса, захваченные протестующими. На подъезде к

аэропорту собралась огромная толпа, и в глазах всех этих людей помимо злости я видел животный, первобытный ужас — такой, какой никогда не встречал раньше. Человеческий принцип «не тебе, не мне» пугал меня до дрожи.

Мы поняли: сквозь толпу нам в здание аэропорта не пробиться. Но на визитке, данной нам, был номер. Отец позвонил, а машину поставил возле высокого старого дуба. Дерево, которое веками символизировало могущество, силу, стойкость и благородство, стояло без верхушки. Отец задал вопрос человеку, поднявшему трубку, и у них состоялся такой разговор:

— Мы стоим у старого дуба. Что делать дальше? К воротам нам не подъехать, — сказал отец.

— Назовите, пожалуйста, кодовое слово из приглашения и ваши инициалы, — ответил диспетчер.

— «Мушка». Валерий Николаевич.

— Фамилия?

— Морозов.

— Хорошо. Через десять минут к вам подъедут. Ждите.

Диспетчер бросил трубку. Мы ждали всего десять минут, но время тянулось так, будто остановилось навсегда. Мать прижала младшую сестру к груди и гладила её по голове. Брат стоял рядом с отцом, и они оба смотрели на тот кошмар, что творился у ворот. А я стоял позади нашего пикапа, смотрел на мир и пытался запомнить каждое дерево, каждый дом, каждую скамейку. Я пытался запомнить всё.

Ровно через десять минут мы увидели машину — гибрид «Хаммера» и чего-то ещё более злого. Мужчина, сидевший наверху за пулемётом, окликнул отца. Отец быстро достал из кармана приглашение и протянул водителю. Тот кивнул и коротко бросил:

— Берите всё самое нужное — и в машину, — приказал солдат на крыше.

Мать посадила нас внутрь, сама села на переднее сиденье. Отец устроился рядом с ней и передал все документы. Нас провезли прямо в машине сквозь ворота. Люди за окном кричали, кидали камни. Это был конец. Но конец, который устроил не астероид. Конец света устроили люди — задолго до того, как он должен был наступить.

Мы въехали за ворота. Вокруг стояли солдаты, всё было заставлено мешками с песком. Вдалеке виднелся один большой белый самолёт, вокруг сновали машины, все куда-то бежали. Создавалось ощущение, будто они и сами не знают, куда бегут, да и никто не понимал, что происходит.

Мы подъехали к главному зданию, и нас встретила женщина в форме. Она провела нас внутрь, дала небольшие пайки и сказала, что мы вылетаем через шесть часов. После того как я поел и лёг на металлические сиденья, прикрыв глаза, я услышал выстрелы и крики. Женщина позвала нас и ещё несколько человек, которые были с нами, в самолёт. До вылета оставалось два часа, но мы уже сидели на борту.

Через иллюминатор я видел, как стреляли в людей. Я был ошарашен. Ведь это были невинные люди — такие же, как и все мы. Они о чём-то мечтали, стремились к развитию и справедливости. Их просто расстреляли.

Когда военные увидели, что самолёт взлетает, они опустили ружья. И я видел, как солдат, которые приехали за нами, не стало — их просто раздавила толпа. Дальше я уже ничего не видел: один из военных приказал закрыть шторы.

— Почему? Почему все солдаты и люди на базе остались

внизу? Они разве не с нами? — спросила маму моя младшая сестра.

Мама начала отвечать, но солдат её перебил:

— Так надо, — ответил он сухо и ушёл в кабину пилотов.

Мой отец решил заговорить с другими людьми на борту.

— Здравствуйте, — робко обратился он к мужчине, сидевшему справа от него. Рядом с тем была жена и дочка.

— Здравствуйте, — ответил тот.

— Кто вы?

— Я инженер, Максим Степанов. Работал в одной из крупных компаний нашего города. Мы в аэропорту находились уже около двух дней...

Не успел он договорить, как его жена перебила:

— Это кошмар. Как так можно?..

Мужчина бросился её успокаивать. Вокруг нас сидело ещё семей десять. Кто-то с детьми, кто-то без. Кто в слезах, а кто

в страхе, но с ледяным спокойствием на лице.

Я долго не мог уснуть после всего увиденного, но всё же как-то вырубился. Когда я проснулся, та самая женщина-военная всё нам объяснила: мы отправляемся на базу, где уже построены корабли, и по прибытии нам там всё подробно расскажут.

Глава. База

Мы прилетели ночью. На часах было два часа ночи. Но имеет ли время смысл, если его всё равно скоро не станет?

Нас выгрузили из самолёта, посадили в автобус, и мы поехали в сторону палаток. Их было так много, что казалось — мы попали в отдельный городок. Городок из ткани, страха и ожидания.

Выйдя из автобуса, я замер.

Передо мной стоял корабль. Огромный. Настолько огромный, что у меня перехватило дыхание. Я не мог поверить, что человек способен построить такое за какие-то годы.

А потом удивление столкнулось с другим чувством — горьким и тяжёлым. Если мы можем это, почему мы не можем помочь всем? Почему не можем хотя бы просто не убивать друг друга?

Нам ведь подарили целую планету. С деревьями. С водой. С солнцем, которое светит всем одинаково. Здесь есть всё. А мы придумали долги, границы, войны. Зачем? Неужели всё это правда так сложно?

Или сложно как раз другое — просто взять и не делать больно?

Нас проводили до палатки. Она была зелёной, из плотной ткани. Внутри стояло четыре кровати, а возле каждой — тумбочка с двумя бутылками воды. За шторкой обнаружили душ и биотуалет.

Мама сразу начала раскладывать вещи — тихо, спокойно, как умела только она. Катя крутилась рядом, дёргала её за рукав и показывала куклу: «Мам, смотри, она тоже устала». А Ваня молча достал из рюкзака дорожные шахматы — маленькие, магнитные — и поставил фигуры на доску. Он всегда так делал, когда нервничал. Раскладывал партию сам с собой и думал. Ему было четырнадцать, но выглядел он старше. Усталым.

Глава 4. Забор

Вошел человек в форме.

— Сегодня вечером, в семнадцать часов, все обязаны подойти на главную улицу. А пока можете гулять по территории. Но за забор не выходить.

— А что по расписанию? — спросил отец.

— Вот. — Солдат протянул лист с правилами. На обратной стороне оказалась карта городка.

На карте я увидел столовую, детскую площадку, а ярко-красной линией была обозначена граница. Я решил выйти. Дойти до забора.

Снаружи меня встретил гул. Оглушающий. Машины, крики, топот. Крики слышались отовсюду — со всех сторон территории. Я не понимал, где мы находимся. Казалось, что настоящая база гораздо больше этого палаточного городка, а мы просто ютимся в самом центре. Вдалеке виднелся корабль. По нему ходили люди — маленькие, суетливые, как муравьи.

Я пошёл вдоль палаток. Минут через пять наткнулся на столовую. Ещё через пять — на забор.

А за забором была военная база. Огромная. Везде бегали солдаты, летали вертолёты, ездили машины. А вдали — белые дома. Большие дома с зелёными лужайками.

Я сразу понял, кто там живёт.

Я смотрел на эти дома с зелёными лужайками и чувствовал, как во мне поднимается что-то горячее, злое. Не зависть. Нет. Обида. Почему они там, а мы здесь? Почему их дети играют в тишине, а мы спим под выстрелы? Кто вообще решил, что одни люди лучше других?

Я не знал ответа. Но знал одно: если когда-нибудь у меня будет власть или голос, который услышат, я не буду молчать. Я буду кричать об этой несправедливости. Потому что молчать — значит соглашаться. А соглашаться с таким — значит стать таким же, как они.

Глава 5. Митинг

Я подошёл ближе к воротам, но не стал ничего спрашивать. Решил послушать.

— Протестующие скоро проломают линию обороны, — сказал один военный другому. — И захватят последний корабль. На последние сто километров.

— Да я уже не знаю, что сказать. Корабль достроен, а мы всё ещё здесь.

— Сколько наших полегло... когда они прорвали первую линию...

У меня внутри всё сжалось. Вопросы полезли один за другим. Много вопросов. Но самый главный прозвучал в голове так отчётливо, будто кто-то сказал его вслух:

— Если корабль готов... почему мы всё ещё на Земле?

В пять вечера мы всей семьёй стояли на главной площади.

На подиуме стоял кто-то важный. Слева и справа от него замерли военные. На груди блестели медали. Позже я узнал: это капитан корабля.

— Все мы большие молодцы, раз смогли оказаться здесь. Нас ждёт долгий путь. Скоро мы улетим и продолжим чело-

веческий род. Всего через два месяца мы уже будем в космосе и...

Он не договорил.

В него прилетело что-то склизкое и мерзкое.

— Вы нам уже три месяца обещаете! — закричал мужчина из толпы. — Еда отвратительная! Из-за шума спать нельзя! Вы уже три месяца убиваете людей снаружи! А на базе уже месяц пропадают люди!

— Люди не пропадают, — холодно ответил капитан. — Они просто не проходят контрольную проверку.

— Ага? Белых домов стало больше. А людей на базе — меньше.

Мужчину вывели из толпы. Быстро. Молча. Без лишних движений.

— У кого-то ещё есть вопросы? — спросил капитан.

Мой отец хотел спросить. Я видел это по его лицу. Многие хотели. Но все видели, что случилось с тем мужчиной. И все поняли: лучше молчать.

Тогда я впервые по-настоящему понял поговорку: «Молчание — золото».

Я слушал и чувствовал, как внутри закипает что-то тяжёлое. Капитан говорил красиво, но за его словами не было правды. Только ложь. Такая же, как от тех миллиардеров, что бросали своих родных. Почему взрослые так легко врут? И почему никто из толпы не крикнул ему в лицо: «Вы нас обманываете!»? Ах да. Того мужчину вывели. И мы все промолчали.

Я поклялся себе тогда: когда вырасту — если вырасту — я не буду таким. Я не буду врать. И не буду молчать, когда врут другие. Даже если мне придётся заплатить за это. Потому что правда — это единственное, что у нас осталось. И если её не станет, мы превратимся в тех, кто стоит по ту сторону забора.

Глава 6. Дружба

Через час был обед.

Еда оказалась странной. Каша с водой. Батончик, у кото-

рого срок годности истёк три месяца назад. Но меня с детства учили довольствоваться тем, что есть. Потому что завтра этого может не стать.

Когда я относил посуду, заметил парня моего возраста. Он подзывал меня рукой.

— Прогуляться не хочешь? — спросил он.

Странный вопрос. Но что-то внутри сказала: соглашайся.

— Давай. Когда?

— Я нашёл дыру в заборе. Через неё можно вылезти и погулять по базе. Я заметил её ещё неделю назад, но боялся идти один. А моего возраста здесь не так много. Ну что? Ты со мной?

— Как тебя зовут хоть?

— Миша. Тебя?

— Влад. Ладно. Пошли.

Мы шли минут десять. Завернули за палатку номер шестьдесят восемь. Внизу, у самой земли, виднелась дыра.

Я понял: это мой шанс. Узнать, что здесь на самом деле происходит.

Договорились встретиться завтра в одиннадцать вечера у моей палатки — она была пятьдесят девятой, ближе к шестьдесят восьмой.

Домой я вернулся в девять.

Брат с сестрой уже спали. Отец — который никогда в жизни не курил — стоял у входа и затягивался сигаретой. Он смотрел на корабль. Задумчиво. Пусто.

— Заходи, — сказал он, не оборачиваясь. — Поздно уже.

Я молча кивнул и прошёл внутрь.

Мама лежала с сестрой, читала детскую книжку. Нас с детства даже книги учили быть добрыми. Любить друг друга. Уважать. Как же мы дошли до того, что ненавидим?

Я лёг спать. И — на удивление — уснул быстро. Несмотря на шум.

Следующий день прошёл как в тумане. Я ходил вдоль за-

бора и пытался разглядеть, что там, за ним.

В одиннадцать вечера Миша подошёл к моей палатке. Я схватил рюкзак: фонарь, бутылка воды, тёплая кофта на всякий случай.

И вышел к своему первому другу на этой базе.

Глава 7. Тайна

Ночь на базе оказалась совсем другой, чем день.

Днём здесь хотя бы было видно, куда бежать. А ночью всё звучало иначе — шаги казались громче, тени — длиннее, а каждый шорох заставлял сердце биться где-то в горле.

Мы с Мишей встретились у моей палатки ровно в одиннадцать. Он уже ждал — в тени, прижавшись спиной к тканевой стене. В руке у него был маленький потрепанный рюкзак, из которого торчала горловина фляги.

— Идём? — шепнул он.

Я кивнул. Слова были лишними.

Мы двинулись вдоль ряда палаток. Старались ступать бесшумно, хотя под ногами хрустела сухая трава и мелкий гравий. Луна висела высоко — круглая, холодная, равнодушная. Она освещала территорию, но не давала тепла. Как всё здесь.

— Ты давно здесь? — спросил я шёпотом, когда мы отошли подальше от спящих.

— Неделю, — ответил Миша, не оборачиваясь. — Мы прилетели из другого города. Отец работал на заводе. Говорили, что его знания пригодятся.

— А где он сейчас?

Миша промолчал. Я не стал переспрашивать.

Мы свернули между палатками 66 и 67, потом прошли мимо серой будки, от которой пахло мазутом и остывшим железом. За ней и была та самая 68-я. Сегодня она казалась ещё более тёмной, чем днём — палатка без единого огонька внутри.

— Вот здесь, — Миша опустился на корточки у задней стенки.

Отверстие оказалось меньше, чем я ожидал. Его почти не было видно в темноте — рваный край ткани, прижатый к земле тяжёлым камнем. Кто-то явно сделал это намеренно. И не вчера.

— Ты говорил, что боялся идти один, — прошептал я, приседая рядом.

— А ты нет?

Я задумался.

— Боюсь. Но ещё больше боюсь так и не узнать правду.

Миша посмотрел на меня. В свете луны его глаза блестели — не то от страха, не то от решимости.

— Тогда полезли.

Он первым просунул голову в дыру, потом плечи, потом осторожно перекатился на ту сторону. Я последовал за ним. Ткань скрипнула по спине, земля оказалась влажной и холодной. Я на секунду замер — сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на всей базе.

— Вставай, — шепнул Миша и протянул руку.

Я встал. Отряхнул колени.

Мы были по ту сторону.

За забором мир оказался таким же, но другим. Те же звуки, те же тени — только теперь мы были там, где нас не должно было быть. В нескольких метрах слева стоял ангар с приоткрытыми воротами. Изнутри доносился мерный гул генератора. Справа тянулась бетонка, уходящая в сторону белых домов.

— Сюда, — Миша потянул меня за рукав.

Мы двинулись вдоль забора, держась теней. Я старался запоминать каждую деталь: выбоины на бетоне, ржавую бочку у стены, обрывок колючей проволоки, валяющийся на земле. Всё это было не просто так. Всё это было частью какой-то большой, страшной картины, которую я пока не мог сложить в голове.

— Стой, — вдруг замер Миша.

Я тоже остановился. Впереди, метрах в двадцати, горел фонарь. Под ним стояли двое — один в военной форме, второй в обычной куртке. Они о чём-то тихо говорили. Мы при-

жались к стене ближайшего склада.

— ...ещё одного сегодня забрали. Третья партия.

— Начальство сказало: ещё немного — и полетим.

— В смысле?

— Ты не знаешь? Места на корабле не хватает. А богатые уже всё оплатили. Надо освободить.

— А с этими что? — голос кивнул в сторону палаток. Я не видел лица, но понял.

— Разберёмся. Главное, чтобы богатые были довольны. А как освободим места... ну, сами понимаете.

Тот в куртке пожал плечами. Мне показалось, или он действительно усмехнулся?

— Лишние рты нам ни к чему.

Я не понял до конца, что он имел в виду. Но что-то холодное пробежало по спине. Не страх. Что-то другое. Предчувствие. Я посмотрел на Мишу. Он побледнел. Губы дрожали. Мы переглянулись — и оба поняли: спрашивать нельзя. На-

до уходить.

Мы двинулись назад. Медленно. Бесшумно.

Каждый шаг — вечность.

Каждый хруст гравия под ногой — как выстрел.

Я молился. Не знаю кому. Просто молился: чтобы никто не обернулся, чтобы фонарь не качнулся в нашу сторону, чтобы земля не предала.

Дыра встретила нас темнотой и запахом пыли — сухой, горькой, как страх. Миша пролез первым. Я за ним. Ткань скрипнула по спине, зацепилась за рюкзак — на секунду я застрял, и сердце ушло в пятки.

Потом отпустило.

Мы снова на своей территории. Среди палаток. Среди таких же, как мы. Ничего не подозревающих.

Мы отошли подальше от шестьдесят восьмой. Только тогда я позволил себе выдохнуть — и понял, что всё это время не дышал.

— Они их свозят, как скот, — прошептал Миша. Голос сел, будто он натёр его песком.

— Откуда ты знал? — спросил я. Горло пересохло.

— Слышал. Ещё до того, как ты прилетел. Моего отца... — Миша запнулся. Сглотнул. — Моего отца забрали в первую ночь. Сказали — на проверку. Я больше его не видел.

Я не знал, что сказать.

В шесть лет не учат таким словам. В восемь — тоже. Всё главное приходит потом. Когда уже слишком поздно.

— Нам надо рассказать другим, — сказал я.

— Кому? — Миша поднял глаза. В них не было слёз. Вообще ничего. Только усталость. Такая, какая бывает у стариков, которые всё потеряли. — Они не поверят. Или поверят, но ничего не сделают. А если сделают — их убьют. Как того мужчину на площади.

Я хотел возразить. Открыл рот. Закрыл.

Потому что он был прав.

Люди боялись. Они молчали, потому что боялись потерять последнее — надежду попасть на борт. А те, кто наверху, пользовались этим страхом. Так было всегда. Так будет всегда. Если никто не скажет «хватит». Я не знал, смогу ли я когда-нибудь сказать это громко. Но внутри, в самом глубоком месте, я уже кричал. Кричал так, что сводило живот. «Хватит».

Мы отошли подальше от шестьдесят восьмой. Миша дрожал. Я смотрел на него и думал: он боится. Боится по-настоящему. А я? Я тоже боялся. Но внутри, где-то глубоко, шевелилось что-то ещё. Не страх. Злость. На них. На всех, кто заставил нас бояться. Я не знал, что с этим делать. Пока не знал.

Мы разошлись. Я забрался в палатку, под одеяло.

Сон не шёл.

Перед глазами всё стояли двое под фонарём. Их голоса звучали снова и снова.

Я думал о людях за забором. О тех, кто штурмовал ворота. О тех, кого раздавила толпа. О тех, кто остался снаружи.

Мы думали, что спаслись.

А мы просто попали в другую очередь.

И мне оставалось только молиться — чтобы до нас эта очередь не дошла.

Глава 8. Мать

А ещё я думал: как живёт Миша? Если кроме отца, которого «убрали», он ни про кого больше не рассказывал.

На следующий день я снова встретил его в столовой — только уже на завтраке. Я взял поднос, сел напротив и решился спросить.

— А как ты здесь живёшь? Раз твоего отца нет...

Миша тяжело вздохнул. Не сразу ответил. Сначала отодвинул ложку, потом посмотрел куда-то в сторону — туда, где за шторкой столовой едва угадывался забор.

— У меня мама санитаркой работала. Поэтому мы и остались здесь. А после того, как отец пропал... она вообще на улицу не выходит.

— Понял. Если что, прости. Неудобный вопрос получился.

— Да ладно, ничего. — Миша наконец поднял на меня глаза. — Лучше скажи: что будем делать по поводу того, что слышали вчера?

Я замялся.

— Я не знаю. Может, расскажем всем?

— Ты что? — Миша резко подался вперёд, голос стал тихим, почти злым. — Нельзя говорить. Если узнают — всех убьют. И никто не попадёт на борт. А уже завтра новая проверка. И опять несколько человек наугад заберут.

— Ты прав, Миш.

Я потёр виски. Голова гудела. Шум на базе не стихал ни днём, ни ночью — казалось, он въелся в кости.

— Давай позже это обсудим. У меня голова болит от этого шума уже вторые сутки. Не могу нормально мыслить.

Я хотел спросить: «А ты не боишься, что её тоже забе-

рут?» Но не спросил. Потому что ответ был очевиден. Бойт-ся. Каждую секунду. И ничего не может с этим сделать. Как и все мы.

Я смотрел на Мишу и думал о своей семье. О маме, которая читает Кате книжки. О Ване с его шахматами. Об отце, который курит впервые в жизни, потому что не знает, как ещё унять дрожь в руках. Я представил, что их у меня отнимут. Что я останусь один. Сердце сжалось так, что стало трудно дышать. И я понял: бороться за справедливость — это не громкие слова. Это просто не дать никому отнять тех, кого ты любишь. И тех, кто любит тебя.

Мы замолчали. Я смотрел на Мишу и чувствовал, как между нами растёт что-то тёмное, липкое. Я хотел бороться. А он хотел прятаться. Я уважал его страх. Но где-то на дне души уже зарождалось презрение. Слабость заразительна. А я не хотел заразиться.

Мы договорились встретиться с Мишей после обеда. Я по-дошёл к его палатке — она была тридцать второй, такой же зелёной, как и все остальные. Такая же ткань, такая же земля у входа. Только внутри, как я скоро понял, было совсем другое горе.

Миша сидел на корточках у входа и рисовал палкой на земле какие-то круги.

— Заходи, мне нужно рюкзак забрать — сказал он тихо.
— Только мама спит. Она последние дни почти не спит, так что не шуми.

Я зашёл внутрь.

В палатке было темно. Шторки затянуты, свет пробивался только через щели в ткани. В углу на кровати лежала женщина. Она не спала. Она сидела, привалившись спиной к стене, и смотрела в одну точку. Руки её лежали поверх одеяла — худые, бледные, с длинными пальцами. Она перебирала ими в воздухе, будто что-то искала. Будто пыталась нащупать то, чего уже нет.

— Здравствуйте, — сказал я тихо.

Она не ответила. Даже не посмотрела в мою сторону. Пальцы продолжали свой медленный, бесконечный танец.

Миша сел рядом с ней на кровать, взял её руку в свои. Женщина на секунду замерла, потом медленно повернула голову к сыну. В её глазах что-то дрогнуло — не улыбка, нет,

скорее тень того, что когда-то было светом.

— Мишенька, — прошептала она. Голос был сухой, потрескавшийся, будто она давно не пила и не говорила. — Ты поел?

— Да, мам. Всё нормально.

— Хорошо. Ты кушай. Силы нужны.

Она снова перевела взгляд в пустоту. Пальцы опять задвигались — вверх, вниз, будто гладили чьё-то невидимое лицо.

Я стоял у входа и не знал, куда деть глаза. Мне стало не по себе. Не потому, что страшно — а потому, что слишком понятно. Слишком.

Мы вышли через несколько минут. Миша плотно затянул шторку и тяжело выдохнул.

— Она такая с тех пор, как отца забрали. Первые дни плакала. Кричала даже. А потом... — он замолчал, подбирая слова. — Потом просто перестала быть здесь. Она вроде и рядом, а вроде её уже нет.

— Она тебя любит, — сказал я. — Я видел. Когда на тебя

посмотрела.

Миша кивнул. Быстро. Слишком быстро — будто боялся, что если не кивнуть, то сломается.

— Знаю. Поэтому и держусь.

Он посмотрел на свои ботинки — грязные, стоптанные, явно не по размеру.

— Пошли, — сказал он. — Нам надо готовиться к проверке.

Я пошёл за ним. Но ещё долго думал о её руках. О том, как они перебирали воздух. О том, что она, наверное, искала мужа. Искала там, где его уже никогда не найти.

Глава 9. Прощание

Когда я вернулся в свою палатку, мама кормила Катю с ложки. Сестра капризничала, отворачивалась, но мама терпеливо ждала и улыбалась. Ваня сидел на кровати и крутил в руках шахматного коня — задумчиво, будто искал ответ на вопрос, которого никто не задал. Отец разговаривал с кем-то по рации — тихо, чтобы мы не слышали. Но я всё равно услышал: «Да, держимся. Детей надо вывезти».

Я лёг на свою кровать и уставился в потолок. Мама — добрая, тихая, с книгой в руках. Отец — мудрый, начитанный, с вечной привычкой решать чужие проблемы. Ваня — с его шахматами и молчаливыми прогулками. Катя — с куклой, которую она никогда не выпускала из рук.

Я представил, что кого-то из них нет. Сердце сжалось так, что стало трудно дышать.

Я понял одну простую, страшную вещь: если мы все останемся вместе — это уже победа. Даже если всё вокруг рухнет. Но почему победа должна быть такой маленькой? Почему нельзя, чтобы все остались вместе? Все. Не только мы. А те, кто за забором. И те, кого раздавила толпа. И мама Миши. И Мишин отец. Я не знал ответа. Но знал, что буду искать его всю жизнь. Если она у меня будет. И если найду — расскажу всем. Пусть знают. Пусть не забывают.

Я лёг на кровать и закрыл глаза. Рядом сопел Ваня. Где-то плакала Катя. А я думал: если придётся выбирать — моя семья или чужие, я выберу своих. Я не знал, смогу ли я защитить их. Но знал, что попытаюсь. Любой ценой. Эта мысль пугала меня. Но она была честной.

Мы шли куда глаза глядят. Вокруг — люди, убитые горем. Дети, которые не понимали, что происходит, и просто весело играли в песке. Взрослые, которые тоже не понимали, что происходит, но на их лицах не было ни радости, ни грусти — только одно тяжёлое, давящее недопонимание.

Миша сказал:

— Пошли сегодня ещё погуляем по базе. Я думаю, это мой последний день. Хочу его хотя бы провести не в заперти.

— Мы обязательно что-нибудь придумаем. Пошли сходим к моей палатке, я заберу рюкзак, и мы пойдём в столовую. А после, как потемнеет, — на базу.

— Хорошо. Пошли.

Мы дошли до моей палатки. Отца с сестрой не было. Мама сказала, что они на детской площадке.

Брат сидел на кровати с телефоном. От телефона уже не было никакого смысла — интернет заглушили, и он превратился в бесполезный кирпич. Мама читала книгу.

— Это мой друг Миша, — сказал я маме.

— Здравствуйте, — поздоровался Миша.

— Здравствуй, Миша. Вы в гости?

— Нет, мам. Я рюкзак возьму — и пойдём гулять.

— Хорошо. Только никуда не лезьте.

Мы вышли из палатки и двинулись в сторону столовой.

Сегодня, на удивление, была не каша, а пюре с котлетой.

— Перед проверкой всегда дают нормальную еду, — сказал один из мужчин, лет тридцати.

— Скорее всего, это как последний ужин, — ответил ему второй.

Я не знал, кто из них прав. Может быть, оба.

После трапезы стало довольно темно. Мы выдвинулись.

Всё прошло спокойно. Мы тихо перелезли через дыру и пошли тем же путём, что и в прошлый раз. Встали около той же стены. И...

Оглушающий гул стал в разы громче. Мои уши буквально дрожали. Мне хотелось закричать вместе с этим криком. Вокруг слышались выстрелы, крики, сирена — она звучала так громко, что хотелось просто лечь на пол и заткнуть уши.

Миша схватил меня за руку — и мы мигом оказались в нашем городке.

На главной площади уже стоял капитан и кучка солдат.

— Мы срочно взлетаем! По автобусам! Быстро! — кричал капитан.

Люди замерли в недопонимании.

— Что происходит? — спросил мужчина из толпы.

— Протестующие пробили последнюю линию обороны,
— сухо ответил один из военных.

— Почему же мы раньше не взлетали? — задал вопрос тот же мужчина.

— Без лишних вопросов. Сядьте в автобус, пожалуйста,
— ответил солдат.

Я быстро нашёл свою семью и присоединился к ним.

— Все на месте? — спросил отец.

— Да, — ответила мать.

На входе в автобус толком не разглядывали, кто садится.

Я увидел, как Миша бежал к своей палатке и за руку тянул мать к автобусу.

— Быстрее, мама! — торопил он её.

Они сели в другой автобус. Мы поехали к кораблю. Вблизи он казался ещё более внушающим — огромным, тёмным, живым.

Около трапа нас всех высадили.

— Бегом! Бегом! — торопили военные.

Наш автобус шёл одним из первых в колонне. Нас проверили быстро и пропустили на борт, приказав идти вдоль длинного коридора в главный холл.

Но я остался. Ждать Мишу.

Я видел, как он выходит из автобуса вместе с мамой и идёт к трапу. Он тянет её за руку, чуть ли не в слезах. Протестующие уже приближались — их было так много, что казалось, будто это волна. Чёрная, шумящая, неумолимая.

Миша подошёл с матерью к трапу, протянул документы.

Солдат, который увидел толпу, не стал разбираться, кто есть кто. Он мельком глянул на Мишу и лёгким толчком в спину просунул его на борт.

А маме Миши сказал:

— Вы не подходите по состоянию здоровья.

Она и правда выглядела очень усталой и беспомощной. Миша рванул к ней — но солдат стал силой отталкивать его.

Мать поцеловала сына в щёку и прошептала:

— Люблю тебя, сынок. Ты у меня самый лучший. А теперь — прощай.

С лёгкой улыбкой она отошла от трапа. Дверь начала за-

крываться.

Миша в истерике застучал по большой металлической двери. У меня тоже хлынули слёзы. Это было очень больно наблюдать.

Мишу оттащили и толкнули в очередь. Я подошёл и обнял его. Молча.

Он расплакался ещё сильнее. Я тоже не мог сдержать слёз.

За дверью осталось очень много людей. Тех, кто просто не успел попасть на борт.

Это было очень больно наблюдать.

Я стоял и смотрел на закрытую дверь. Миша рыдал у меня на плече. А я думал: это не астероид убивает людей. Это люди убивают людей. Не потому, что те плохие. Не потому, что они «недостойны». А просто потому, что кому-то нужно их место. Место на корабле. Место в очереди на жизнь. И это равнодушие — самое страшное, что я видел. Когда тебя убивают не из ненависти. А потому что тебя просто не заметили. Потому что ты — не человек. Ты — место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.